

"- В выручай комнате множество артефактов, как темных, так и обычных, и я мог бы заложить их на досуге, заработав достаточно, чтобы начать реализацию своих планов. Конечно, потребуется гораздо больше времени, чтобы собрать капитал, которым могла бы обеспечить меня Серайя, но это вполне возможно." - он на секунду замолчал, глянув на Филу

"- Мои планы требовали слишком больших предварительных затрат, которые будут настолько высоки, что я просто не смогу их покрыть, если не воспользуюсь возможностями, такими как продажа туши василиска, но....» - в его голосе послышалось уныние.

"- Серайя обожает меня". - Аттикус грустно улыбнулся, подняв глаза к небу: "- А также любит коз и коров, которых я попросил Твини принести ей. В прошлом она питалась живностью из леса всякий раз, когда бодрствовала, и у нее никогда не было особого выбора другого мяса, поскольку часто удавалось поймать только оленя." - он говорил все это больше себе, чем Филе.

"- Она готова многое сделать для меня, и сомневаюсь, что мне потребуется много времени, чтобы убедить ее покинуть комнату и пойти со мной.

И я был готов убить ее. Только своевременный кошмар заставил меня осознать свои действия." - Аттикус горько рассмеялся

"- Мое подсознание вмешалось и сравнило меня с человеком, которого я так ненавидел".

Фила тихонько закурлыкала, пытаясь успокоить его, и Аттикус вздохнул с облегчением, сосредоточившись на ее ворковании, погладив ее по голове, когда она подошла ближе. Он не осмеливался взглянуть на нее, опасаясь увидеть разочарование в глазах Филы. У нее оказались такие выразительные глаза для птицы.

"- Я... беспокоюсь. Я совершил много плохих вещей в своей... прошлой жизни но то, что собирался сделать с Серайей, было бы гораздо хуже.

- Даже после всего времени, которое я провел с ней, я не мог думать ни о чем другом, кроме как о своих долгосрочных целях. Даже когда привязался к ней..." - он громко выдохнул, снова открыл глаза и посмотрел на Филу.

Аттикус был рад отметить, что она не рассердилась или разочаровалась в нем, а скорее расстроилась, правда не знал, грустила ли она из-за того, что он чувствовал раскаяние, или ей было грустно от того, насколько он был близок к краю.

"- Почему мне потребовалось время аж до того самого дня, когда я уже собирался убить ее, чтобы поумнеть", - повысил он голос, вскинув руки, отчего Фила закричала, захлопала крыльями и встала прямо перед ним. Аттикус посмотрел на нее слегка смущенно, увидев обвиняющий взгляд.

"- Извини", - птица фыркнула, но подняла крыло, показывая, что он должен продолжать. Аттикус бы рассмеялся, если бы был в настроении.

Он встал и прошелся назад-вперед: "- Только этот ужасный призрак моего бывшего отца заставил меня отказаться от моего упрямого решения. Должно быть, сравнение, наконец, сделало свое дело, позволив мне осознать, что я двигался в направлении, которое было жутко похоже на его. Что я становлюсь таким же, как те, кого ненавижу.

Хотя я знаю, что есть вероятность, что я буду делать неприятные вещи в погоне за своей мечтой". - Аттикус снова рассмеялся сухим смехом с горькими нотками

"- Мы живем в мире, который может быть чудовищным. Люди, обладающие властью над другими, чаще всего совершает действительно ужасные поступки. Я видел таких людей в Темной Аллее."

Он остановился, сел обратно и посмотрел на Филу с легким отчаянием: "- Я был так близок к тому, чтобы стать похожим на одного из них".

Его действительно беспокоило, насколько близко он подошел к этому. Было что-то отвратительное в убийстве того, кто тебе доверяет.

У него не было неприязни к убийству в целом или причинении боли людям, которые этого заслуживали.

Аттикус отомстил своему бывшему отцу и нашел в этом холодное удовлетворение. Ему не нравился этот поступок, отнюдь, но тот факт, что он отомстил там, было тем, что ему понравилось.

Что ему не сошло с рук то, что он с ним делал.

Когда он отошел от этого менталитета?

Аттикус знал, что безжалостен в своих стремлениях, но был ли настолько слеп к себе, что не понимал, что его действия могут быть излишне резкими и жестокими?

Его мысли погрузились в размышления.

В своей предыдущей жизни он делал разные вещи с людьми, которым просто не повезло иметь то, что ему было нужно. Они не заслужили того, что он с ними сделал, по крайней мере не полностью.

В то время у него не было вариантов, которые имелись сейчас.

Он был вполне способен придумать альтернативы, которые не требовали жертв.

Аттикус был безмерно благодарен этому кошмару, несмотря на то, насколько сон был ужасен, поскольку он заставил его понять, что ему больше не нужно быть тем человеком.

Убийство Серайи вызвало бы у него чувство вины, которого ему никогда не доводилось испытывать.

"- Я должен быть осторожен, Филадельфия."

Меня разбудил этот кошмар, дав понять, что я могу быть слишком сосредоточен на своей конечной цели, упустив важность того, как именно дойти до конца. Я знаю, что у меня есть некоторые ... социопатические наклонности...

Благими намерениями вымощена дорога в ад... Ад полон благими намерениями, а небеса полны добрых дел".

Он посмотрел на Филадельфию с легким весельем, надеясь добавить немного легкомыслия в ситуацию.
"- Мне понадобится твоя помощь, девочка, чтобы я больше не сделал ничего подобного".

Тандерберд пронзает его взглядом и тихо воркует.

Аттикус кивает головой и позволяет себе слегка улыбнуться. "- Я знаю... Мне нужен хотя бы кто-то, кому я могу доверить свои секреты и планы. Чтобы убедиться, что я не выйду из-под контроля ... особенно теперь, когда это стало намного проще."

На короткое мгновение тишины не было ничего, кроме него и Филадельфии, когда они смотрели друг другу в глаза. Солнце светило прямо из-за их спин, что придавало моменту особенность.

У него слегка перехватило дыхание, когда он уставился в эти блестящие золотые глаза, а она в ответ смотрела на него, и казалось, что оценивала.

Аттикус чувствовал себя так, словно нес весь мир на своих плечах.

Филадельфия нарушила момент, медленно подойдя к нему, и положила голову ему на колени, что заставило его успокоиться.

Он медленно поднял руки и нежно погладил ее перья. "- Спасибо, Филадельфия".

Аттикус гладил своего фамильяра, которая положила свою голову ему на колени, продолжая наблюдать за природой перед ним.

Он не посещал Серайю уже несколько дней. Стоило ему подойти к каменной статуе и произнес кодовую фразу, как Василиск тут же скользнула к нему

«Мастер, ты не навещал меня последние несколько дней. Что-то случилось?» -обеспокоенно прошипела гигантская змея.

Аттикус улыбнулся и поднял руку, чтобы потереть ей нос, на что она заурчала: "Нет, Серайя ... у меня ... была некоторая проблема, с которой следовало разобраться. На это потребовалось некоторое время. Тебе понравились коровы, которых Твини оставила для тебя?»

«Да. Спасибо, что накормили меня. Теперь, когда я такая старая, мне не так-то легко.»

Сэйр слегка хмурится: "Ты хорошо себя чувствуешь?"

«Да, я в порядке, но теперь, когда я больше бодрствую, то заметила, что охота в лесу для меня сложнее, чем раньше. Это слишком большая проблема. Я, вероятно, проживу еще много-много лет, но предпочла бы, чтобы меня кормили.»

Аттикус улыбнулся: "- Я позабочусь о том, чтобы тебя кормили, и тебе вообще не пришлось охотиться. О твоём виде, Серайя, не так много информации. Особенно о твоей продолжительности жизни ... Я совершенно уверен, что ты одна из немногих, если не единственная живая Василиск в мире.»

<http://tl.rulate.ru/book/69062/2476818>